

Языки финно-угорских народов России в будущем (попытка лингвопрогноза)

Languages of the Finno-Ugric peoples of Russia in the future (linguo forecast attempt). Problems of language forecasting are not priority areas of linguistics. Some researchers are critical of the very possibility of predicting the development of a language. The goal of this work is an attempt, based on an analysis of the current situation of the languages of the Finno-Ugric peoples of Russia, to present their functional state in the future and the possibility of preserving as an instrument of ethnic identity.

О прогнозировании путей развития языков писали еще в прошлом веке такие крупнейшие ученые-лингвисты, как И.А. Бодуэн де Куртене и Е.Д. Поливанов. Несмотря на это, тема языкового прогнозирования никогда не была в центре особого внимания, поскольку строить прогнозы всегда чревато тем, что они не совпадут с процессами, происходящими в данный момент, из-за того, что случились какие-то непредвиденные события, повлиявшие на ход истории. А на развитие языка могут оказывать воздействие самые разнообразные как языковые, так и внеязыковые факторы, которые должны учитываться при прогнозировании.

Под термином «языковое прогнозирование» в «Словаре социолингвистических терминов» (2006) дается такое определение: «исследование конкретных перспектив развития как отдельного языка, его внутренней структуры, так и языковой ситуации в той или иной социальной общности» [5, с.271]. Внутреннюю структуру языка в данном случае мы рассматривать не будем, остановимся на языковой ситуации и языковой политике, в которую входят как языковое планирование, так и языковое прогнозирование.

В Российской Федерации пять финно-угорских народов имеют свои национально-государственные образования – республики, названные по имени титульного народа, проживающего в них. Это – республики Карелия, Коми, Марий Эл, Мордовия и Удмуртская Республика. По данным переписи 2010 г., соотношение титульного и русского населения в них составляло: в Карелии – титульное 7,1 %, русское – 78,9 %, в Коми – 22,5 % и 81,7 %, в Марий Эл – 41,8 % и 45,1 %, в Мордовии – 39,9 % и 53,2 %, в Удмуртии – 27 % и 60 % [2, с. 53-55]. Демографический дисбаланс сыграл решающую роль в становлении языковой ситуации в этих республиках, особенно в Карелии, Коми и Удмуртской Республике, где разрыв в количестве русского и титульного населения особенно велик. Фактически, называть эти республики финно-угорскими можно с большой натяжкой. Наиболее благоприятной в этническом отношении является Республика Марий Эл.

После принятия Закона РСФСР «О языках народов РСФСР» от 25 октября 1991г. республики получили право устанавливать свои государственные языки. Кроме Карелии, все финно-угорские республики приняли законы о языках: Коми – в 1992 г., Марий Эл – в 1995 г., Мордовия - в 1998 г., Удмуртская Республика – в 2001 г. В Карелии в 2004 г. был принят закон «О государственной поддержке карельского, вепского и финского языков в Республике Карелия», но правовой статус языков не установлен. Государственным языком Карелии считается русский язык. Среди финно-угорских республик Республики Марий Эл и Мордовия выделяются тем, что в них законодательно закреплено три государственных языка: в Марий Эл – это русский, луговомарийский и горномарийский, а в Мордовии – кроме русского еще языки мокша и эрзя. Республика Карелия отличается наличием двух форм письменности – кириллицы для русского языка и латиницы для карельского, финского и вепского языков. Практически все языки этих республик, по оценкам ЮНЕСКО, отнесены к языкам «определенно угрожаемым», а горномарийский и вепский – к «сильно угрожаемым» [9, с.11].

Финно-угорские народы, по данным переписей, являются сильно диаспоризованными. На первом месте – Мордовия, 50 % носителей мордовских языков проживают за пределами своей республики, 44 % носителей марийских языков, 25,8% носителей карельского, 24 % носителей удмуртского, 7,6 % носителей языка коми. Демографическая мощь языков по республикам определяется соотношением тех, кто владеет языком, и общим количеством населения данной национальности в республике. В Карелии проживают 45570 карелов, из них 16878 заявили о владении карельским языком, таким образом, демографическая мощь языка составляет почти 37 %, в Коми – 202348 чел. коми, из них 130797 чел. владеют языком:

мощность языка коми – 64,6 %, в Марий Эл – 290863 чел. марийцев, из которых 198072 владеют марийскими языками, т.е. мощность марийских языков – 68,9 %, в Мордовии – 333112 чел. мордвы, из которых 191164 чел. владеют мордовскими, мощность мордовских языков – 57,4 %, в Удмуртии проживают 410584 чел. удмуртов, владеют языком – 229203 чел., мощность удмуртского языка – 55,8 % [2, с. 54-55, 87-88, 91]. Тот факт, что демографическая мощность языков во всех республиках, кроме Карелии, составляет от 56 % до 69 % говорит о том, что их витальность достаточно высокая (больше половины населения). Сравним теперь мощность русского языка: в Карелии – 99,9 %, в Коми – 98,8 %, в Марий Эл – 98,3 %, в Мордовии – 99,5 %, в Удмуртской Республике – 99 % [там же], т.е. практически все население республик владеет русским языком.

Другим важным параметром для анализа состояния языка и динамики его развития является коммуникативная мощность языка, т.е. количество сфер, в которых он функционирует. Государственные языки обычно обслуживают официальные сферы общения, относящиеся к регулируемым коммуникативным сферам, главной из которых является сфера образования, так как от нее зависит языковая компетенция всего общества. По данным на 2015/2016 уч. г. Министерства просвещения РФ, как средство обучения язык использовался только в сельских районах Марий Эл и Мордовии: в Марий Эл работало 2 школы на лугово-марийском (65 учеников) и в Мордовии – на языке мокша 42 начальные школы (483 уч.) и на языке эрзя – 29 школ (658 уч.). В городе на языке эрзя шло обучение в одной школе (50 уч.). В подавляющем большинстве школ всех республик родные языки преподавались как предмет, при этом, как отмечали учителя школ, они изучались как второй иностранный язык. Количество часов в неделю колебалось от двух до пяти.

После того, как в ряде республик вспыхнули конфликты из-за того, что национальные государственные языки стали обязательными для изучения всеми школьниками независимо от желания родителей и национальной принадлежности, а уроки русского языка сократились в ряде школ на 2 - 3 часа, президент В.В. Путин, отреагировав на эту ситуацию, и выступая на заседании Совета по межнациональным отношениям в Йошкар-Оле летом 2017 г., поручил дать право самим родителям или законным представителям ребенка выбирать, изучать национальный язык республики или нет [8].

В июле 2018 г. Госдума приняла закон об изучении родных языков, который в итоговой версии не ограничивает россиян в языковых правах и дает им возможность свободно изучать свой родной язык. При этом закон исключает практику, при которой детей принуждали к изучению национальных языков республик в ущерб русскому. Были внесены изменения в Федеральные государственные образовательные стандарты, введение которых означало, что с 1 января 2018 года родные и государственные языки будут преподаваться по-новому. В школы впервые вводится новая обязательная предметная область - «Родной язык и литературное чтение на родном языке» и «Родной язык и родная литература». После принятия новых образовательных стандартов, в Республике Мордовия, например, Министерство образования рекомендовало школам включить изучение мордовских языков (мокшанского и эрзянского) как государственных языков и оценивать их знание по двухбалльной шкале – 4 и 5, чтобы низкие отметки не вызывали у учеников вместо любви и уважения к языку его неприятие.

Что касается других официальных сфер – административного управления, делопроизводства, законодательства, судопроизводства, СМИ, науки, транспорта, промышленного производства и др., то в них доминирует русский язык, а национальные языки софункционируют с ним при необходимости. Например, в суде, если обвиняемый или свидетель не владеют в полной мере русским языком, тогда привлекается переводчик. Использование национальных языков затрудняет неразвитость терминологических систем и хотя в республиках составляются и издаются терминологические словари, на практике ими пользуются мало.

Большое влияние на состояние и развитие языка оказывает языковая политика. В Советском Союзе, да и в современной Российской Федерации она носила и носит русификаторский характер, хотя в законе «О языках народов РСФСР», принятом в октябре 1991 года признавались равные права всех языков России и гарантировалась их защита. Несмотря на то, что был предпринят целый комплекс мер по поддержке национальных языков, повышен их статус в связи с объявлением государственными языками республик, тем не менее, как пишут авторы из Коми, Марий Эл, Мордовии и Удмуртии в совместной статье: «замечных изменений в этноязыковой ситуации не происходит» [6, с. 64]. Языковые ориентации продолжают смещаться в пользу русского языка, который признают родным по данным переписи 2010 г., 37,1 % коми, 72,7 % карел, 43,9 % удмуртов, 20,2 % марийцев и 18 % мордвы, т.е. языковая ассимиляция продолжается и становится более масштабной, тем более, что она связана с ростом доли городского населения [там же].

Известно, что в условиях города ассимиляция ускоряется, поскольку переехавшие из сельской местности финно-угры составляют там меньшинство, межэтнические контакты происходят на русском языке и русский язык нередко доминирует даже в сфере семейного общения.

Практика показывает, что придание статуса государственного национальному языку практически не влияет на расширение его функциональной нагрузки и востребованность среди носителей. Естественно, нельзя не вспомнить о демографическом факторе – когда большинство составляет русское население, а доминантная культура русских воспринимается этническим меньшинством как более престижная. Изменить демографические пропорции не представляется возможным, у русских нет необходимости изучать национальные языки, поэтому в республиках повсеместно распространено только национально-русское двуязычие, а русско-национальное находится, по образному выражению мордовского ученого Н.Н. Щемеровой «в зачаточном состоянии» [7, с. 328].

Односторонний национально-русский билингвизм, по мнению лингвистов, представляет собой угрозу для развития национальных языков. Как считает известный мордовский ученый М.В. Мосин, «находясь в условиях своеобразного одностороннего национально-русского двуязычия, функциональные возможности без исключения всех финно-угорских языков ограничены почти до бытовой сферы. Но как может развиваться полноценно язык, когда на нем можно преподавать только до 5 класса? Как может развиваться язык, его терминология, когда на нем ребенок уже в 11-летнем возрасте не изучает ни историю, ни физику, ни ботанику, ни химию и другие предметы. Как может развиваться язык, когда на нем не ведется никакого делопроизводства в титульных республиках, не говоря уже об их диаспорах» [3, с.15].

Венгерский профессор Янош Пустаи считает, что именно «обучение коренного населения на родном языке будет способствовать формированию у него двуязычия высокого – не «кухонного» - качества, при этом будет понятна настоящая выгода от обучения на родном языке» [4, с.47]. А профессор Лейпцигского университета К. Бохман еще в 1989 г. писал, что язык будущего человечества будет определяться двуязычием и многоязычием при наличии общего второго языка.

Таким образом, возможность обучаться на родном языке, а не изучать его как предмет по 2-3 часа в неделю, поможет языку стать престижным, поскольку, как считает Пустаи, «всем известно, что только те языки имеют высокий престиж, на которых ведется обучение» [там же].

Еще одной проблемой, по мнению авторов из четырех финно-угорских республик, отчуждающей носителей от родного языка, является пуризм, т.е. вытеснение из языка иноязычных заимствований, прежде всего, «русских» и создание неологизмов. За короткий промежуток времени в финно-угорских языках появилось по несколько тысяч новых слов, воспринимаемых неоднозначно специалистами. Так, известный драматург и ученый из Коми О.Уляшев в статье «Лексика, оторванная от корней», дал крайне негативную оценку такому словотворчеству и охарактеризовал современный литературный коми язык как «китайскую грамоту» (а творят эту грамоту ученые-языковеды). Это приводит к тому, что школьники и читатели отказываются принимать и понимать такой новояз [6, с.67], а если родной язык становится непонятен, то естественен переход на использование русского языка.

Тем не менее, социологические опросы, проведенные в апреле-мае 2017 г., в Коми, Марий Эл, Мордовии и Удмуртской Республике, показали высокий уровень толерантности респондентов в отношении культуры и языка титульных групп, а их изучение не отвергается и не вызывает неприятия [6, с.71]. Однако проблема сохранения и будущее финно-угорских языков по-прежнему остается актуальной задачей, причем она скорее даже не лингвистическая, а социально-психологическая. Необходимо поднимать престиж финно-угорских языков, а для этого ученые предлагают разработать региональные программы «по формированию общественного мнения, которое бы воспринимало язык финно-угров как специфическую культурную ценность, как престижное и полезное для его носителей знание» [там же]. Изменить психологию носителей языка так, чтобы использование родного языка поднимало авторитет, вызывало уважение окружающих. Говорить о том, что финно-угорские языки исчезнут, неактуально, потому что их демографическая мощь и витальность достаточно высокие. Но региональные власти, отвечающие за языковую политику, должны руководствоваться нормами права, обсуждать нововведения с широкой общественностью и корректно проводить те или иные мероприятия в области языка и культуры, чтобы не возникали межэтнические конфликты подобные тем, которые возникли с введением обязательного изучения титульных языков всеми детьми, независимо от их национальности и желания родителей. Раз языки «исчезают», давайте введем их штудирование для всех живущих в республике. Политизация языковых вопросов не решит проблемы их сохранения, необходимо, чтобы сами носители в лице интеллигенции, предприняли какие-то шаги, или хотя бы начали громко говорить и широко обсуждать данные вопросы. Совершенно пра-

вильно отмечает финский исследователь удмуртского происхождения К. Замятин: «Никто не может возродить язык, кроме самого языкового сообщества. Никто не может начать использовать язык вместо его простых носителей. Если они не готовы предпринять усилия ради будущего своего языка – говорить на нем, если они его знают, или же учить его, если не знают – прогнозы относительно языкового возрождения остаются неблагоприятными» [1, с.160].

Литература

1. *Замятин К., Пасанен А., Саарикиви Я.* Как и зачем сохранять языки народов России? Хельсинки, 2012. Сс. 178.
2. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. в 11-ти т. Т.4, кн.1, М., 2012. 2101 с.
3. *Мосин М.В.* Мордовские (мокшанский и эрзянский) литературные языки: состояние, проблемы и перспективы развития // Финно-угристика на пороге III тысячелетия. Материалы II Всероссийской научной конференции финно-угроведов (2-5 февраля 2000 г.), Саранск. С. 11-19.
4. *Пустай Янош.* Актуальные мысли о положении финно-угорских языков Российской Федерации // Проблемы марийской и сравнительной филологии. Сборник статей. Йошкар-Ола, 2018. С.46-52.
5. Словарь социолингвистических терминов, М., 2006. 312 с.
6. *Шабыков Ю.П., Воронцов В.С., Орлова О.В., Мартыненко А.В., Миронова Н.П.* Языковая политика и языковые ориентации населения в национальных республиках: конфликт интересов между группами или несовершенство культурных практик (на примере регионов с финно-угорским населением)? // Вопросы филологии № 1 (61), М., 2018. С.62 – 74.
7. *Щемерова Н.Н.* О проблеме эрзянско-русского детского билингвизма // Финно-угристика на пороге III тысячелетия. Материалы II Всероссийской научной конференции финно-угроведов (2-5 февраля 2000 г.), Саранск. С.328-330.
8. Электронный ресурс: kremlin.ru/events/president/news/55109 (дата обращения 22.02.2019).
9. The UNESCO Atlas of the world's languages in danger: context and process. Cambridge, 2012.